

УДК. 316:303

**СОЦИОЛОГИЯ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ:
ПРОБЛЕМА МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ****В.П. Бабинцев¹⁾, В.П. Римский²⁾**

¹⁾Белгородский государственный университет, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
e-mail: babintsev@bsu.edu.ru;

²⁾ Белгородский государственный университет, 308000, г. Белгород, ул. Преображенская, 78
e-mail: Rimskiy@bsu.edu.ru

В статье рассматривается проблема адекватности социологии как самостоятельной науки в условиях современной российской действительности. Анализируются возможности социальной диагностики общественных процессов и их интерпретации. Обосновывается интуитивно-рациональная парадигма исследования общественных проблем.

Ключевые слова: социология, социологическая рефлексия, смута, интуиция, иррационализм.

Современная российская социология, несмотря на известный дефицит новых концептуальных разработок¹, довольно последовательно увеличивает число объектов исследования. В сферу внимания социологов попадают органы государственного и муниципального управления, сетевые структуры, часть исследований осуществляется «стыке» маркетинга, социального управления и организации коммерческой деятельности. Происходит своеобразная диффузия социологического знания. При этом имеет место и противоположный по своей направленности процесс – социологическая наука все чаще включает в себя элементы смежных дисциплин, например, маркетинга, лингвистики, политологии. Постепенно складывается, на наш взгляд, совершенно новая по своему содержанию модель интеграции социальных наук. И – что весьма примечательно – формируется она в рамках пространства, которое традиционно (по меньшей мере, столетие) осваивалось именно социологами.

Но новизна ситуации порождает множество проблем как содержательного, так и технологического характера. Ключевой из них, очевидно, следует считать проблему функционального значения социологического знания и его роли в общественной практике. Она не нова и, по сути своей, представляет транскрипцию вечного вопроса, формулируемого в отношении науки и ученых от имени общества: «Какова же Ваша

¹ Наличие дефицита концептуальных разработок отмечают как отечественные, так и зарубежные авторы. В частности, Д.Л. Константиновский, А.А. Овсянников и Н.Е. Покровский полагают, что за «цифрами экстенсивного роста социологии в России подчас скрывается если не ее качественная деградация, то, по крайней мере, отсутствие столь же убедительных показателей ее качественного восходящего развития» [9. С. 15]. В свою очередь известный американский политолог, профессор Нью-Йоркского университета К.Колхаун подтверждает: «В общественных науках известны лишь несколько уважаемых ученых из России. В целом ваша страна не сильно выделяется в социальных науках. В науку экономики и теоретической социологии российские ученые приходят не с новыми идеями, а с методами того, как изощренными математическими способами проверить идеи, которые придуманы другими исследователями» [17].

польза?» Сегодня этот вопрос не просто сохраняет свое значение, но дополнительно актуализируется в силу всеобщего усиления прагматической ориентации, затронувшего едва ли не все сферы социума. В том числе науку и образование.

Фиксируя его применительно к социологическому знанию, Д.Л. Константиновский, А.А. Овсянников и Н.Е. Покровский пишут: «Если прежде знание, наука опирались на просветительскую картину мира и рассматривались в основном как абсолютная и безбрежная ценность, то отныне возобладало понятие полезного знания (*useful knowledge*), т. е. знания ограниченного в принципе, сфокусированного на конкретике и нацеленного на результат, приносящий немедленную экономическую выгоду.

Это приводит к перенастройке основных параметров и всей системы университетского образования и образования социологического, а также влечет за собой развенчание образа ученых (равно и преподавателей), как людей, приобщенных к недоступным другим истинам, превращение их в группу экспертов, ничем не отличающихся от других субъектов рыночных отношений» [9. С. 22].

Решение проблемы функциональной роли социологии представляется далеко не очевидным. Уже в самом первом приближении ясно, что социология потенциально способна дать общую картину состояния дел, практически, в любой сфере социума. Но эта потенциальная возможность реализуется далеко не в той мере, в какой планируют специалисты, а полученные результаты довольно часто *необъективны*. Следовательно, не отвечая одному из основных критериев научности, они могут служить задачам практического преобразования мира и человека в крайне ограниченных пределах. В частности, в тех случаях, когда эти результаты используются в чисто манипулятивных целях, необъективность даже полезна. Но при формировании и реализации человеком своей жизненной стратегии, равно как и при решении управленческих задач, она ведет к часто невозможным просчетам и ошибкам.

Более того, функциональная нагрузка социологической практики не сводится только к решению задачи измерения социальных переменных. Во многих случаях она не является и ключевой задачей. В идеальной перспективе выводы социологических измерений играют служебную роль и должны быть подчинены цели повышения эффективности управления в целом, предлагать «на выходе» конкретные рекомендации, оптимизирующие управленческую практику [12. С. 14].

И если мы в первую очередь обратили внимание на проблему объективности социологии, то это лишь отражает наиболее часто бросающийся в глаза ее публичный статус. К сожалению, именно он в первую очередь принимается во внимание не только общественностью, но и субъектами социального управления, воспринимающими исследовательскую практику как не вполне серьезное, второстепенное занятие, во многих случаях даже мешающее повседневной работе. Следствием таких установок является незавершенность социологических процедур, их фрагментарное внедрение. А.А. Хохлов подчеркивает: «Провести исследование и дать научно обоснованные и практические рекомендации одно, а другое – перестроить исследуемые участки государственной деятельности в соответствии с содержанием данных рекомендаций. Здесь необходимо уметь обращаться с социологической информацией, разбираться в механизме практического функционирования изучаемого участка, быть психологически готовым к осуществлению назревших в нем изменений» [19. С. 312].

Однако при всей справедливости данного заключения нельзя не отметить, что феномен психологической неготовности населения и – особенно – аппарата управления к внедрению социологических рекомендаций нуждается не просто в констатации, но и в более глубоком анализе. И этот анализ сам по себе представляет элемент исследовательской практики. Без него невозможно принять конкретные решения, обеспечивающие реальную, а не фиктивную продуктивность и эффективность, как

теоретических разработок, так и эмпирических измерений, действительно, превращающих социологическую науку в один из регуляторов управленческой деятельности.

Разумеется, мы не ставим осуществление регулятивной функции социологии в социуме в исключительную зависимость от качества теоретико-прикладного анализа всех сопутствующих данному процессу обстоятельств. В конечном итоге, даже ясное представление о важности социологии, понимание природы препятствующих ее систематическому применению барьеров не гарантирует стимулирования социологической практики. Теоретическая обоснованность не является главным условием принятия конкретных решений, как в повседневной жизни, так и в социальном управлении. Эти решения обычно выступают как своеобразный компромисс. В одном случае это внутриличностный компромисс (между отдельными личностными структурами), в другом – между позициями различных субъектов управления (акторов), между их явными или тщательно скрываемыми интересами. К тому же любые решения обусловлены необходимостью согласовывать стратегические цели и требования конкретной ситуации.

Но даже с учетом всех этих обстоятельств довольно ясно: в любом случае без исследования мы не можем иметь ясной картины, позволяющей представить процессы во всем их многообразии, а, следовательно, всегда будем сохранять высокую степень личной и общественной несвободы в своих действиях.

Довольно очевидно, что проблема внедрения социологии в социальную практику имеет несколько аспектов, связанных с особенностями современной общественной среды.

Следовательно, вопрос о перспективах социологии в России может быть решен лишь с учетом анализа состояния современного общества. Не претендуя на его всесторонний анализ, который требует специального обсуждения, базирующегося на полных и верифицируемых данных, попытаемся акцентировать внимание на некоторых, на наш взгляд, довольно бесспорных моментах.

Российское общество сегодня представляет собой специфический вариант общества всеобщего риска. Изучая его, специалисты уделяют внимание преимущественно социально-экономическим, политическим и техногенным аспектам риска. «В таком обществе, – пишет О.Н. Яницкий, – ключевые естественные условия обеспечения жизнедеятельности человека (вода, воздух, почва, продукты питания), равно как и созданные им социотехнические системы жизнеобеспечения (урбанизированная среда, энергетические и транспортные системы), превращаются в источники риска. Тем самым среда жизнеобеспечения трансформируется в среду жизнеразрушения» [14. С. 26]. В свою очередь Ю.А. Зубок подчеркивает: «Таким образом, общество риска – это специфический способ организации социальных связей, взаимодействия и отношений людей в условиях неопределенности, когда воспроизводство жизненных средств (условий жизни), физических и духовных сил человека приобретает не социально направленный, а преимущественно случайный, вероятностный характер, вытесняясь производством самого риска» [7. С. 146].

Между тем, при всей правомерности приведенных оценок нельзя упускать из внимания духовный аспект утверждения общества риска. Он связан с очередным кризисом рациональности. С формированием иррациональной и алогичной по своему содержанию социокультурной среды, в условиях которой крайне трудно анализировать и прогнозировать перспективу социального развития, опираясь на логику научного познания. Эта трудность является естественным следствием тотального распространения иррационального поведения, массовизации абсурда и ликвидации прочно установленных норм и правил.

В сущности, сегодня отечественные исследователи и практики имеют дело с новым изданием смутного времени, которое может быть определено как специфическое российское явление. Отметим, что характеристика современного этапа эволюции России

как смутного времени, которую, по нашим данным впервые дал академик Д. Львов², становится все более популярной в литературе. Так, Ю.Ефремов пишет: «Третье Смутное время продолжается в России уже 15 лет, больше двух предыдущих (1602 – 1612 гг. и 1916 – 1921 гг.). И конца ему не видно» [5. С. 10]. Фактически, эту же точку зрения формулирует директор Института русской истории А.Фурсов, когда он, характеризуя отечественную историю, говорит: «В русской «синусоиде» ... было три структурных подъема – Московское самодержавие, Петербургское самодержавие и исторический коммунизм, т.е. СССР. Структурные подъемы отделены друг от друга провалами – смутами: конец XVI – начало XVII века; ряду смутных характеристик соответствовала эпоха петровских реформ, которые купировали надвигающуюся смуту, измотав население; это период конца XIX – начала XX века, и естественно, наше «время негодяев», стартовавшее в 1980-е годы» [1. С. 5].

Однако, принимая концептуальную идею русской смуты, предстоит дать четкие дефиниции понятию, выявить его сущностные характеристики и установить место русской смуты в ряду аналогичных социальных катаклизмов.

Вероятно, русская смута имеет свои аналоги в истории иных культур и цивилизаций, которые еще требуют установления. Но теория государственного и муниципального управления не может успешно развиваться без качественного анализа данного состояния, а также без определения возможностей науки, прежде всего, социологии управления для интерпретации событийных рядов, определяющих развитие современности.

Смута не сводится только к социальному кризису. Вряд ли допустимо ограничить представление о ней и как о тупике социального развития. Это крайне сложное понятие должно быть легитимировано социальной наукой и раскрыто через комплекс дефиниций, характеризующих не столько состояние областей общественной жизни, но, прежде всего, состояние умов. Для характеристики смуты В. Даль использует такие термины как тревога, переполох, возмущение, восстание, мятеж, крамола, общее неповиновение, раздор меж народом и властью, замешательство, неурядица, непорядок, расстройство дел [4. С. 239].

Наиболее близким описанием состояния смуты в социологии, очевидно, является теория социальной аномии Р. Мертон. Однако отечественная смута в ее любом издании представляет собой более глобальное и разноплановое явление. Она проявляется, прежде всего, в состоянии общественного сознания в виде комплекса явлений.

Наиболее значимым среди них является иррационализм. Иррационализм, иррациональность получают различное определение в литературе. Б.С. Сивирин подчеркивает, что при применении критерия объема, степени, качества понимания и знания о чем-либо иррациональность выступает как редуцированная рациональность. Но он отмечает: «Если иррациональное определяется как нечто, находящееся вне сознания и разума, иррациональное выступает в формах инстинктов, подсознательных влечений, агрессивного поведения, психологических, эмоциональных проявлений. Иррациональное может выступать в формах мифологического, иллюзорного сознания, может проявлять себя в надсознательных формах интуитивной рефлексии и поведения» [15. С. 10].

Иррациональное поведение в широком смысле – это поведение, не основывающееся на учете возможных потерь и выгод, на анализе следствий. Такая

² В одной из своих статей еще в 1998 году он писал: «Состояние, в котором находится экономика и общество, обычно трактуется как кризис. Это слово упрощает и искажает суть дела. В действительности мы переживаем смутное время. Так называют период политической борьбы отдельных групп и отсутствия объединяющих идей, утери первичного «круга безопасности», внутри которого каждый человек чувствует себя защищенным, где он у себя дома. Это безвременье. Оно может тянуться десятки лет, если мы не приобретем общего видения перспектив, которое может объединить людей, если мы не обретем веры такое будущее, ради которого стоит жить» [11. С. 7].

редуцированная иррациональность в значительной мере легитимирована отечественной, в основе своей русской, православно-христианской социокультурной традицией.

Иррациональный подход к выработке и реализации жизненной стратегии большинством населения стал одним из формирующих русскую культуру факторов, превратившись в своеобразный *гипотетический императив* [2. С. 31]. Раскрывая их содержание, В.Н. Брюшинкин пишет: «Русские доверяют *бытию*. Недоверие к рациональности и культуре в то же время означает, что мы верим в независимое от нас сверхрациональное бытие, которое в целом благоприятствует человеку и которое больше и умнее человека и человечества. Доверие к бытию сказывается в знаменитом русском «авось». «Кривая вывезет» говорят у нас, противопоставляя бытийственную иррациональную «кривую» рациональной прямой, которая, несмотря на весь свой прямолинейный «ясный и отчетливый характер», редко выводит в проектируемый конечный пункт» [2. С. 31].

Иррациональное начало в самоорганизации жизни получило обоснование в отечественной социально-философской традиции, восходящей еще к «Слову о законе и благодати» киевского митрополита Иллариона, противопоставившего формально-рациональный закон идее Божественной благодати, источником которой является интуитивное озарение и откровение. «Ведь закон предтечей был и служителем благодати и истины, истина же и благодать – служители будущего века, жизни нетленной» [6. С. 107]. Благодать – высшее, абсолютное начало духовности и нравственности в человеке – явление иного, чем закон, порядка. Она не может быть рационально осмыслена и предполагает веру и аффективное восприятие Божественного источника жизни. Благодать требует не точного знания и исполнения, но внутреннего, искреннего соединения с Божеством.

В русле данной идейной традиции лежит и требование И.А.Ильина учитывать в реальной жизни не только доводы рассудка, интуиции, холодного расчета, но «сердцем ... предметно настроенной и устроенной душой, иными словами, всеми силами и возможностями человека». «При этом, – как пишет И.А.Ильин, – иметь в виду не только цель, зовущую человека к удовлетворению его личных потребностей, но и ... видеть последнюю и главную цель в жизни, по отношению к которой все субъективные цели окажутся лишь подчиненным средством ... это та цель, ради которой действительно стоит жить на свете, ибо за нее стоит бороться и умереть» [8. С.138].

Но для современной социокультурной реальности типична не редуцированная, а своего рода «абсолютная» иррациональность, враждебная разуму, опирающаяся на инстинкты и практикующая произвол как единственно возможный способ отношения к окружающему миру.

Традиционный иррациональный подход к действительности не исключал существования комплекса нарративных твердо установленных поведенческих правил, которые фиксируются научным исследованием. Эти правила восходят к базисным ценностям культуры, до настоящего времени представлявшим некую систему. Проблема сегодняшнего дня заключается в разрушении данной системы, в приведении ее в неустойчивое состояние.

Неустойчивость, выступающая, наряду с иррационализмом, еще одной важной характеристикой российской смуты, не просто фраза, но принципиальная характеристика, относящаяся не только к социальным отношениям, но именно к ценностному миру, который максимально неупорядочен. А какая-либо сложившаяся иерархия ценностно-целевых установок не просто отсутствует, даже не предполагается. Проблема в данном случае заключается даже не в том, что нет общепризнанных для большинства ценностей, норм поведения. Достижение всеобщего единомыслия ведет к тоталитаризму, издержки которого сегодня очевидны. Важнее то, что большинство граждан готово в любую минуту, если к этому принудит ситуация, отказаться от своих прежних убеждений, от

того, что еще недавно было значимо и свято. Ситуативное ценностно-целевое сознание не только дезориентирует людей в отношении социальных ориентиров, но и элиминирует важнейшее качество ценностей – их императивность.

В этих условиях терминальные ценности, представляющие собой соглашение между людьми относительно целей, к которым следует стремиться, в лучшем случае подменяются инструментальными ценностями, то есть гипертрофированной значимостью средств достижения целей. При этом цель обычно рассматривается в ее индивидуальном или корпоративном значении. Ценностные паттерны, которые складывались в течение нескольких поколений, как правило, распадаются или редуцируются до минимального уровня. Значение приобретает только то, что в данный момент выгодно узким группировкам, объединенным прагматическими интересами.

Сложившееся положение дел на бытовом уровне хорошо иллюстрируется следующим бытовым примером. В повседневной жизни, криминально окрашенной литературе и публицистике, пределы которых захватывают все новые и новые области, принято различие жизни «по понятиям» и «по законам». Оба образа жизни обычно противопоставляются друг другу. Но противопоставление осуществляется в пределах «данного качества». И в том, и в другом случае речь идет о неких принципах, которые, правда, обычно несовместимы. Вместе с тем существует позиция, отрицающая как «жизнь по понятиям», так и «жизнь по законам». В обиходе она именуется – «беспредел». Именно такой «беспредел» характеризует ситуацию разрушения ценностей, типичную для смутного времени.

К ним относятся:

- дискредитация общественно значимых, консолидирующих идей, ориентация, практически, каждой статусной группы на свою «особую правду»;
- аномальная композиция индивидуального и общественного сознания, в котором одновременно представлены и уживаются противоположные по своей направленности установки, ориентации и идеи. Ж.Т. Тощенко определяет это как «рождение уникального явления – парадоксального человека» [18. С. 4];
- социальное дезертирство³;
- алогичность социального мышления, доводимая в своих крайних формах до легитимации абсурда;
- тотальная негативная саморефлексия и самооценка, проявляющаяся в типично мазохистском унижении собственной истории, культуры, в отрицании социальной перспективы;
- пониженная реакция на внешние факторы, в том числе и на те, что непосредственно влияют на качество жизни, массовая общественная апатия и равнодушие;

³ Феномен социального дезертирства пока еще ждет своего исследователя, хотя ряд интересных суждений по поводу данного явления уже сделан некоторыми авторами. В частности, А.С. Панарин рассматривал дезертирство как архетип социальных революций [13. С. 88]. Однако с не меньшим основанием дезертирство следует считать архетипом российских смутных эпох. Характерно в данной связи свидетельство Н.М. Карамзина об особенностях первой смуты в России начала XVII века: «Все ослабело: благоговение в сану царскому. Уважение к Синклиту и духовенству. Блеск Василиевой (имеется в виду Василий Шуйский – авт.) великодушной твердости затмевался в глазах страждущей России его несчастьем, которое ставили ему в вину и в обман: ибо сей властолюбец, принимая скипетр, обещал благоденствие Государству. Видели ревностную мольбу Василиеву в храмах; но Бог не внимал ей – и царь злосчастный казался народу царем неблагословенным, отверженным. Духовенство славилу высокую добродетель венценосца, и бояре еще изъявляли к нему усердие; но москвитяне помнили, что духовенство славилу и кляло Годунова и кляло Отрепьева; что бояре изъявляли усердие к Разстриге накануне его убиения. В смятении мыслей и чувств, добрые скорбели, слабые недоумевали, злые действовали ... и гнусные измены продолжались». – Цит. по [10. С. 342 - 343].

– идеологическая виктимность, выражающаяся в потенциальной готовности стать жертвой обмана, объектом беззастенчивого манипулирования сознанием.

Ситуация распада ценностных паттерн среди прочих следствий имеет резкое снижение возможностей социальных наук, в том числе, а, возможно, в первую очередь – социологии при исследовании широкого круга объектов.

Довольно бесспорным является утверждение о наибольшей доступности для научного анализа именно рациональных форм социальной самоорганизации. Следовательно, социология потенциально имеет широкие перспективы развития в рационально организованном социуме. Но потенциальная возможность в российской практике реализуется далеко не в полном объеме в силу ряда обстоятельств.

Первое из них обусловлено отмеченным выше состоянием смутного времени, наложившим заметный отпечаток не только на поведение людей, но и на систему управления и особенно сильно повлиявшим на технологию разработки и принятия решений. Эти управленческие процедуры, требующие рационального основания, в ситуации смуты все чаще детерминируются интуицией субъекта управления, более или менее успешно пытающегося в социальном хаосе крайне слабые сигналы, долженствующие свидетельствовать о развитии перспективных тенденций.

Ставка на интуицию довольно адекватно отражает специфику жизнедеятельности в нестабильной социальной среде и, возможно, является наиболее эффективной в сложившейся ситуации. К тому же она органически связана с отечественными традициями, которые, как и культура в целом, всегда несли в себе заметное иррациональное начало. Но практика интуитивных решений крайне трудно поддается социологическому анализу, который не позволяет выявить характерные для нее тенденции и закономерности, фиксируя лишь степень распространения такого подхода.

Преобладание установки на интуитивные решения и действия, которая легитимируется массовым сознанием и не противоречит общественному мнению, с неизбежностью придает процессу социологических исследований фрагментарный характер. Полученные выводы требуют постоянной проверки и корректировки, что вполне естественно и представляет собой необходимую процедуру социологических измерений. Определение и разработка процедур применения таких процедур составляет существенный элемент развития социологии. Он выражается в постоянном совершенствовании методик, в сочетании количественных и качественных методов анализа, которое позволяет более или менее последовательно оптимизировать исследовательский процесс.

Но даже и в этом случае не гарантируется точность эмпирических данных, без которой приобретают вероятностный характер многие теоретические положения.

На наш взгляд, уже одно это обстоятельство служит серьезной предпосылкой ограничения возможностей традиционной социологии при изучении социальных явлений.

Ограниченность социологических возможностей не означает отказа от применения социологических методов в эпоху смутного времени. Она лишь предполагает изменение исследовательской парадигмы, состоящее в переходе от чистой рациональности к интуитивно-рациональному познанию. В соответствии с данной парадигмой интуиция исследователя должна стать основным методом установления истины, что в принципе не является новым в общественных науках, в том числе и в социологии. Значение ее подчеркивал еще П.Сорокин. Он писал: «Выдающийся художник показывает нам потенциальные возможности, скрытые от нашего взора до тех пор, пока их не откроет его творческий гений. Точно так же научное открытие – это творение, нахождение действительной или потенциальной закономерности или закона, которые до сих пор оставались незамеченными.

Учитывая столь выдающуюся роль интуиции в любом познании или творении, нельзя не изумиться недомыслию общественных наук и социологии. Отрицая интуицию, они оказались лишены одного из базовых источников познания и творчества. Искалеченные таким образом, они, естественно, не могли ни возвыситься над плоским

уровнем тривиальностей, ни глубоко проникнуть за поверхностный сенсорный аспект социокультурной реальности. В результате они становились все более бессодержательными, из них постепенно исчезали вдохновение, творчество и просветительский дух. В интересах самих же общественных наук ликвидировать упомянутый промах. Им пора начать использовать все три источника человеческого познания» [16].

Разделяя вывод классика социологической мысли, мы считаем не только возможным, но и необходимым распространить интуитивно-рациональный метод познания и на область современной социологии. В пользу такой необходимости выдвигаются как аргументы «от противного», так позитивно-конструктивные соображения. Главным «аргументом от противного» мы склонны считать отмеченную выше специфику объекта исследования, процесс функционирования которого все чаще приобретает иррационально-интуитивный характер. Более того, имеются все основания считать данную тенденцию устойчивой, поскольку она в концентрированном виде отражает настроения постмодерна, носители которых пытаются описать и легитимировать хаос. Именно постмодернизму присущи «фрагментация, неопределенность и сильное неприятие всеобщих или «обобщающих» категорий» [3], ярко выраженная ориентация на интуицию в противовес рационализму и здравому смыслу. «Ситуация постмодерна» по сути своей «атехнологична». Ее распространение на процесс управления означает, что сама идея массового применения социальных технологий лишается смысла.

В известном смысле можно утверждать, что постмодерн выступает в качестве своеобразного инициатора отечественной смуты. И исследователям еще предстоит выявить генетическую связь между общемировыми и российскими дестабилизирующими процессами. Но в любом случае представляется вполне обоснованным утверждение, что коррелирующаяся с постмодернистскими настроениями российская смута существенно затрудняет возможности применения классических рациональных методов познания в социологии.

Но необходимость использования интуитивного метода познания в социологии обусловлена не только «аргументом от противного», но и представлением о том, какие позитивные результаты он дает, или, по меньшей мере, способен дать при изучении общественных реалий. Рассматривая их, укажем на несколько принципиально важных для социологических эмпирических измерений, следовательно, и для базирующихся на них теоретических обобщений, особенностей сложившейся социальной самоорганизации.

Практически, любой опыт социологических исследований, осуществляемый сегодня, должен рассматриваться как опыт жестко контролируемого эксперимента. При этом далеко не всегда ясно, кто выступает в роли экспериментатора: сам исследователь или лица, санкционирующие его действия. Респонденты, выступающие как участники эксперимента, принимают в нем участие при наличии изначально сформулированных ценностно-целевых установок, в основе которых лежит представление о формальных требованиях системы.

В условиях контролируемого эксперимента любая социологическая методика, построенная на рациональных основаниях, диагностирует не подлинную картину состояния объекта, но некую мнимую (фальсифицированную) реальность. Фальсификация далеко не всегда является намеренной, но представляет собой естественный результат двумерности мировосприятия, в котором уживается комплекс представлений «для внутреннего использования» и «для внешних клиентов». К числу последних относятся и социологи.

Безусловно, существуют методы верификации социологических данных. Но, на наш взгляд, наиболее эффективные способы их опровержения связаны вновь с оценкой продолжительного опыта собственных наблюдений и основанной на нем интуиции.

Следовательно, в данном случае интуиция приобретает ключевое значение при получении объективных данных и их интерпретации.

Важна и еще одна особенность объекта исследования, связанная с индивидуальными установками и ориентациями граждан, с которыми и имеет дело социология. Любой опрос респондентов (а именно этот метод чаще всего используется учеными) представляет собой опыт саморефлексии, критической оценки своих способностей и возможностей, анализа проблем, ценностно-целевых установок и ориентаций. Качество полученного социологического материала в данном случае прямо зависит от способности респондентов к такой оценке, а также от готовности в ней участвовать.

К сожалению, отсутствие саморефлексии является одной из наиболее характерных черт мировоззрения современного гражданина.

Разумеется, установка на интуитивные решения не означает отказа от возможностей рационального анализа, на который, как уже отмечалось «замкнуты», практически все методики социологического исследования. Более того, злоупотребление интуитивным методом приведет к увеличению доли субъективизма и существенно дискредитирует социологическую науку.

Крайним проявлением его является сервильность. Подобная метаморфоза настолько типична для современной России, что рассматривается некоторыми исследователями как типичная черта профессиональной социологической деятельности. Д.Л. Константиновский, А.А. Овсянников и Н.Е. Покровский пишут: «Только сожаления достойны факты, когда социологи в сложившейся системе взаимодействия с властными структурами исполняют специфические обслуживающие функции. Эта схема взаимодействия сводится к следующему правилу. Если социолог приносит во властные структуры социологические оценки или суждения, не соответствующие оценкам этих структур, то он вынужден будет выслушать упреки в бессмысленности такой социологии. Задача сводится не к построению моделей для понимания социальной реальности, а к предугадыванию ожидания властной структуры» [9. С. 13].

Сервильность особенно типична для социологов в регионах, где ограничен спрос на исследования, а органы государственной и – частично – муниципальной власти могут выступать как надежный заказчик, гарантирующий более или менее достойную оплату труда ученых. К тому же на региональном уровне сохраняются эффективно действующие рычаги косвенного влияния власти на исследователей. Используя их, органы регионального управления способны довольно легко обеспечить появление и публикацию комплиментарного социологического материала, чаще всего необходимого им для организации избирательных кампаний и создания собственного позитивного имиджа.

Вывод о перспективности интуитивно-рациональной социологии в данном контексте вполне может быть интерпретирован как своеобразный карт-бланш для фальсификации социологических материалов. Именно поэтому мы подчеркиваем, что при осуществлении научных разработок не следует отказываться от традиционных количественных и качественных измерений, основанных на рациональной исследовательской парадигме. При всей ограниченности возможностей и потенциальной фальсифицируемости, эти методы способствуют объективизации процесса познания.

Но в любом случае интуитивное познание предоставляет сегодня больше возможностей для анализа общественной практики. При этом установка на использование потенциала интуитивной социологии актуализирует проблему нравственности в российской социологии, без решения которой она не способна преодолеть те трудности, которые характеризуют ее состояние в последние годы.

Список литературы

1. Александр Проханов – Андрей Фурсов. Синусоида русской истории. Беседа главного редактора газеты «Завтра» с директором Института русской истории // Завтра. – 2006. – № 28.
2. Брюшинкин В.Н. Феноменология русской души // Вопросы философии. – 2005. – № 1.
3. Вейз Дж. Э. Времена постмодерна // Режим доступа к изд.: <http://luthlib.narod.ru/articles/pmodern/pmod02.htm>. – Систем. требования: IBM PC; Internet Explorer.
4. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М., 1999. – Т. 4.
5. Ефремов Ю. Слова и дела в России // Здравый смысл. – 2005. – № 2.
6. Златоструй. Древняя Русь X – XIII веков. / Сост., авторский текст, коммент. А.Г.Кузьмина, А.Ю.Карпова. – М., 1990.
7. Зубок Ю.А. Проблема риска в социологии молодежи. – М., 2003.
8. Ильин А.Ю. И.А.Ильин о принципах воспитания России // Человек и общество: тенденции социальных изменений. – СПб.: Минск: Ростов-на-Дону, 1997.
9. Константиновский Д.Л., Овсянников А.А., Покровский Н.Е. Совершенствование социологического образования. Аналитический доклад. – М., 2005.
10. Кузьмин А.Г. История России с древнейших времен до 1618 г. В 2 кн. – М., 2003. – Кн. 2.
11. Львов Д. Образ новой России – истоки формирования // Вопросы философии. – 1998. – № 6.
12. Осипов Г.В. Российская социология в XXI веке // СОЦИС. – 2004. – № 3. – С. 14.
13. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. – М., 2002.
14. Россия: риски и опасность переходного общества. – М., 1998.
15. Сивирин Б.С. Социальная рациональность как компонент социальной перспективы // Социологические исследования. – 2003. – № 4. – С. 10.
16. Сорокин П.А. Декларация независимости общественных наук // Режим доступа к изд.: <http://knowledge.isras.ru/sj/sj2-02sor.html>. – Систем. требования: IBM PC; Internet Explorer.
17. Сорокина Н. Америка должна стать нормальной страной // Российская газета. – 2006. – 2 февраля.
18. Тощенко Ж.Т. Фантомы общественного сознания и поведения // Социологические исследования. – 2004. – № 12.
19. Хохлов А.А. Основы социологии государственной власти и кадровой деятельности. Курс лекций. – Орел, 2005.

SOCIOLOGY OF “DISTEMPER AGE” – PROBLEM OF ADEQUATE RESEARCHING PARADIGM

V.P. Babintsev¹⁾, V.P. Rimskiy²⁾

¹⁾ Belgorod State University, Pobedy st., 85, Belgorod, 308015, Russia;
e-mail: babintsev@bsu.edu.ru;

²⁾ Belgorod State University, Preobrazhenskaya st., 78, Belgorod, 308000, Russia
e-mail: Rimskiy@bsu.edu.ru

The problem of sociology adequacy as independent science in conditions of modern Russia is considered in the paper. Possibilities of social diagnostics of public processes and its interpretation are analyzing. Intuitively-rational paradigm of public processes research is based.

Key words: sociology, social reflection, distemper, intuitional, irrational.